

Ю.С. Обидина

**РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В
ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ НАУКИ ОБ АНТИЧНОСТИ В XIX
ВЕКЕ**

В статье рассмотрено становление русской науки об античности и формирование новых научных направлений в изучении истории античного мира. Показано, что важную роль в складывании отечественной исторической школы сыграла академическая мобильность – зарубежные стажировки российских исследователей в крупнейших европейских вузах и научных центрах. Стремление быть на равных с мировой наукой позволило российским историкам не только перенять передовой опыт, но и выработать собственные методологические подходы к изучению мировой истории.

Ключевые слова: академическая мобильность; русская наука об античности; история древнего мира.

Изучение античной истории становится преемственной научной дисциплиной в России в первой половине XIX века. Этому во многом способствовало формирование Петербургской исторической школы, созданной зачинателем русского профессионального антиковедения М. С. Куторгой и его учениками. Эпоха все больше убеждала современников в необходимости критического изучения истории, в истолковании общих исторических процессов. В воздухе витали прогрессивные идеи западноевропейской общественной мысли - историографии французского романтизма (в особенности Ф. Гизо) и, в более общих чертах, немецкого идеализма¹.

Закономерным итогом увлечения этими прогрессивными идеями стало появление новых научных направлений, которые не просто всесторонне изучали бы историю древних цивилизаций, но и создавали возможности для вывода русской науки на передовой, европейский уровень.

Деятельность выдающихся эпиграфистов А. Бёка, А. Кирхгофа, У. Кёлера, В. Диттенбергера, Т. Моммзена привела к настоящей революции в области антиковедения в Западной Европе. Основателем ее стал А. Бёк, который в 1815 г. начал публикацию первого большого свода греческих надписей. В работе над этим изданием к нему присоединились И. Франц, Э. Курциус, А. Кирхгоф. Берлинская Академия наук с 1873 года приступила к новому изданию греческих надписей.

Первые тома с финскими надписями, подготовленные А. Кирхгофом, У. Кёлером и В. Диттенбергером, вошли в «Свод надписей Аттики»², а издание в целом, включая тома с надписями, найденными за пределами Аттики, получило позднее название «Надписи Греции»³. Позднее Т. Моммзен возглавил работу над изданием латинских надписей, которое добавилось к двум предыдущим.

Естественно, что изменения в европейской науке не оставили равнодушными и российских историков. Пионерами в реформировании сложившихся методологических подходов в российской исторической науке стали ученые Петербургского университета - Ф. Ф. Соколов, И. В. Помяловский и П. В. Никитин. Ф.Ф. Соколов впервые в российской исторической науке выдвинул идею о необходимости документального, непредвзятого изучения древности. В своих работах по эпиграфике он предлагает образцы подобного исследования. Кроме того, он создал школу русских эпиграфистов, которые весьма плодотворно совмещали в своих трудах методы исторического и филологического исследования. Этой школе суждено было занять ведущее место в дореволюционной русской науке об античности⁴.

Особенно успешны в то время были достижения немецкого антиковедения, поэтому не случайно, что взгляды русских исследователей были обращены именно туда. Здесь действительно было у кого поучиться: гремела слава Теодора Моммзена, автора новейшей «Римской истории» и капитальных исследований о римском праве. Труды Роберта Пёльмана, Карла-Юлиуса Белоха, Эдуарда Мейера, Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа внесли весомый вклад в изучение древней истории. Справедливости ради следует отметить, что не только немцы преуспели в изучении античности. Французы по праву гордились Гастоном Буассье и Полем Гиро, англичане – трудами Джеймса Фрезера и Джона Бьюри, которые стали впоследствии классическими. Обращение к древности вдохновляло и итальянцев - Гаэтано Де Санктиса и Гульельмо Ферреро.

Так уж случилось, что русская наука об античности первоначально развивалась как побочное ответвление немецкого антиковедения. Но уже с середины XIX века она могла говорить на равных с европейскими историческими школами. К началу же следующего, XX века, в России появились и ученые европейского уровня, и научные труды, значительно обогатившие европейскую науку об античности. Этому способствовал целый ряд факторов. Во-первых, в России появляется своя интеллигенция, получившая образование европейского уровня. Во-вторых, к этому времени сложилась система классического образования, к которой можно отнести не только многочисленные гимназии, но и появившиеся университеты, в которые приглашались различного рода специалисты. В-третьих, и в главных, - это деятельность правительства, которое тратило весьма внушительные средства на стажировки российских исследователей в крупнейшие европейские центры по изучению античности. И хотя при этом правительство преследовало не всегда лишь образовательные или научные цели, но решала и политические задачи; тем не менее, русская наука о классической древности развивалась в тот период, главным образом, благодаря многочисленным академическим контактам.

Другими словами, без постоянных контактов с зарубежными коллегами, в российском антиковедении не смогли бы оформиться те ведущие направления, которые в то время интенсивно развиваются в Европе - историко-филологическое и культурно-историческое. В это же время вновь проявляется интерес и к социально-политическому и социально-экономическому направлениям. Причем, в каждом из них появляются исследователи, признанные позднее корифеями мирового антиковедения. Эпиграфисты В. В. Латышев и С. А. Жебелев пишут свои работы в рамках историко-филологического направления, Ф.Ф. Зелинский – культурно-исторического, В.П. Бузескул, выдающийся исследователь афинской демократии - в рамках социально-политического. В социально-экономическом направлении работает М. И. Ростовцев⁵.

Жизненный и творческий путь М.И. Ростовцева, пожалуй, наиболее показателен для предпринятой нами попытки рассмотреть роль научной мобильности в развитии русской науки об античности. Казалось, его судьба была predetermined на уже его происхождением, поскольку М.И. Ростовцев принадлежал к тому социальному слою, который традиционно отдавал предпочтение классическому образованию⁶. Классическую гимназию закончил и его отец, и дед. Еще будучи гимназистом, Ростовцев написал сочинение «Администрация римских провинций во времена Цицерона». Продолжил свое увлечение античностью он на историко-филологическом факультете Киевского университета, выбрав в качестве специализации классическую древность.

Остаться в университете и быть зачисленным в аспирантуру для подготовки к профессорскому званию было половиной дела. Получать жалование до сдачи кандидатских экзаменов было невозможно. М.И. Ростовцев не избежал участи многих тогдашних профессоров, вынужденных зарабатывать преподаванием в средних учебных заведениях. Хотя в его случае причиной тому были не столько финансовые трудности, сколько бесценный опыт, полученный в царскосельской Николаевской гимназии. После сдачи магистерских экзаменов Ростовцев получает от университета командировку за границу. Такого рода зарубежные стажировки стали уже традиционными для молодых российских ученых в процессе завершения своей профессиональной подготовки.

Можно сказать, что именно во время трехлетней зарубежной стажировки М.И. Ростовцев и сформировался как ученый. Он не только совершенствовал свои знания, но и устанавливал многочисленные плодотворные контакты с западноевропейскими учеными. Эти контакты во многом определили выбор тематики его будущих научных трудов. Посетив Анатолию и Грецию летом 1895 года, он отправился в Рим, в библиотеку Германского Археологического института. Там он познакомился с Августом Мау, который руководил раскопками в Помпеях⁷. Это знакомство подвигло его на посещение семинаров археолога Отто Бенндорфа и эпиграфиста Евгения Бормана, проходившие в Вене зимой 1895-1896 г. Из Австрии Ростовцев отправляется в Париж. Национальная библиотека и Кабинет медалей в Париже не только позволили ему обогатить свои знания, но и завести весьма полезные знакомства. Именно там он познакомился с Эрнестом Бабелом, известным нумизматом. Морис Пру, встреченный Ростовцевым в Париже, становится не только его другом, но и единомышленни-

ком по изданию и исследованию древних коммерческих пломб. Посещение северной Африки летом 1897 года, плодотворные занятия в Лондоне, новые интересные встречи с издателями египетских папирусов Б.П. Гренфеллем и Дж. Магаффи. И снова Париж, снова кропотливая работа с текстами и артефактами. И, наконец, еще одна поездка по странам Средиземноморья перед возвращением в Россию, уже с солидным багажом знаний, почерпнутых во время стажировки.

Все это время Ростовцев вел активную переписку с выдающимися учениками Т. Моммзена - О. Гиршфельдом и У. Вилькеном, которые сыграли важную роль в становлении научного мировоззрения Ростовцева. Их научные интересы пересекались с увлечениями Ростовцева самым непосредственным образом, поскольку О. Гиршфельд был признанным знатоком римского имперского управления, а У. Вилькен активно занимался папирологией и остракологией.

Неслучайно именно немецкая научная школа повлияла на Ростовцева как ученого-антиковеда. Во-первых, русское антиковедение, как мы уже отмечали, и складывалось в основном под непосредственным влиянием немецкой школы. В Петербурге это воздействие ощущалось особенно сильно, а к концу XIX века достигло своего пика, поскольку именно в этот период немецкое антиковедение стало занимать лидирующие позиции. Такие немецкие ученые, как О. Гиршфельд, У. Вилькен, У. Виламовиц-Меллендорф, Эд. Мейер, позволили Ростовцеву не только пополнить свои знания, но и сформировать собственный научный интерес. При этом важно подчеркнуть, что Ростовцев никогда отдавал предпочтение какой-либо одной национальной школе⁸.

Ростовцев не принял Октябрьскую революцию, и поэтому уехал из России в 1918 году. Это было настоящим бегством, несмотря на то, что официально он направлялся в командировку для работы в музеях и библиотеках Европы.

Из Европы Ростовцев перебрался в Америку, где для него начинается новый этап творчества. Он продолжил заниматься социально-экономической историей античного мира, привлекая новые источники - свинцовые пломбы и тессеры, а также папирусы эллинистической эпохи. Итогом этой кропотливой работы стал выход в свет капитальных трудов, ставших впоследствии академическими⁹.

Ростовцев, пожалуй, один из наиболее признанных русских исследователей античности. Он - член Берлинской и Российской Академий наук, профессор Петербургского, Мэдисонского, и Йельского университетов, автор основательных работ по социально-экономической истории Рима и государств эллинистической эпохи¹⁰.

М.И. Ростовцев представлял собой совершенно новый тип русского ученого, который органично соединил в своем творчестве европейскую образованность и российскую действительность¹¹. Проблематика его исследований во многом была обусловлена российской современностью. Несмотря на то, что в советское время имя М.И. Ростовцева было незаслуженно забыто, его идеи задали тон многим направлениям в историографии античности, в частности, проблемам взаимодействия центра и периферии, эллинистических монархий, характера греческой колонизации, колоната. Другими словами, именно Ростовцев во многом заложил советскую историографическую школу исследований античного мира, не смотря на предвзятое отношение последней к нему.

Не следует думать, что лишь в лице М.И. Ростовцева академическая мобильность дала такие блестящие результаты. Другим примером может служить научное творчество В.В. Латышева. В. Латышев являлся не только автором трудов, значение которых для антиковедения неопределимо до сегодняшнего времени. Он стал центральной фигурой в русском дореволюционном антиковедении в целом.

В. Латышев был родом из семьи чиновников средней руки. Закончив гимназию с серебряной медалью, по предложению Н. А. Сергиевского, который в то время был попечителем учебного округа, Латышев поступает в Историко-филологический институт Санкт-Петербурга. Вряд ли это поступление стало возможным, если бы Виленский округ не назначил Латышеву стипендию¹².

Важную роль в судьбе студента Латышева сыграла встреча с величайшим эпиграфистом своего времени Ф.Ф. Соколовым. В то время Соколов ведет домашние семинары по эпиграфике для наиболее талантливых учеников. Эта встреча открыла для филолога Латышева новое увлечение – эпиграфику, и с этого времени занятия надписями становятся для него новым открытием античной истории.

После окончания института Латышев становится преподавателем в гимназии, но Ф. Соколов и тогда не забывает о своем талантливом ученике. Ему удалось добиться командировки в Грецию для молодых ученых, в группу которых попал и Латышев.

Во время этой стажировки Латышеву удалось побывать во многих уголках Греции. Особое внимание он уделял раскопкам, в ходе которых ему удалось обнаружить несколько неизвестных науке надписей.

Успехи молодого исследователя не остались незамеченными в России и предопределили новый поворот в его судьбе. По предложению Ф. Ф. Соколова, Русское Археологическое общество назначает В.В. Латышева ответственным за сбор материала и подготовку издания античных надписей Северного Причерноморья. Помимо будущей блестящей карьеры это давало возможность государственного содержания еще в течение целого года¹³.

Важная миссия не помешала Латышеву закончить свой научный труд – магистерскую диссертацию, над которой он и работал во время своей заграничной стажировки. Его диссертация была посвящена актуальной теме – греческому календарю. Практически сразу после защиты она вышла отдельной книгой, поскольку имела важное значение для последующего занятия Латышевым эпиграфикой. В последствии эта его работа позволила точно датировать многие надписи. В данном случае Латышев пошел по европейскому пути, которым до него шли А. Беки, Т. Моммзен. Опыт, полученный Латышевым за границей, сыграл в то время для отечественной науки весьма важную роль в организации научного творчества.

Тщательная работа над изданием свода надписей позволила Латышеву представить научной общественности сведения о государственном устройстве Херсонеса Таврического. Итогом кропотливого труда стало издание первого тома «Древних надписей северного побережья Понта Эвксинского»¹⁴.

Свою докторскую диссертацию Латышев также построил в основном на эпиграфическом материале. Ее он посвятил другому причерноморскому городу –

Ольвии. Эта работа (которая также вышла отдельной книгой) стала эталоном научных исследований не только в России, но и за рубежом. Во многом этому способствовала использованная Латышевым методология, приобщиться к которой ему удалось во время своих зарубежных исследований.

Но все же в большей степени Латышев известен нам другой своей работой - «Очерком греческих древностей»¹⁵. Несмотря на то, что по своему замыслу книга должна была стать пособием для гимназистов, в действительности эта работа стала крупнейшим очерком всех наиболее важных аспектов древнегреческой цивилизации. В основу труда были положены пособия немецких антиковедов - Густава Гильберта и Георга Бузольта, однако Латышев пошел дальше своих коллег. Помимо широкого круга литературных источников, он привлекал и так хорошо знакомый ему эпиграфический материал. В работе был приведен широкий круг не только зарубежной литературы, изученной Латышевым в Европе, но и работы отечественных исследователей, что свидетельствовало о том, что русская наука об античности заговорила на равных с европейской.

Справедливости ради стоит отметить, что наличие настоящей научной школы и появление корифеев антиковедения в России, позволило со временем готовить свои собственные кадры, не прибегая к заграничным стажировкам. В частности, становление В. П. Бузескула в качестве ученого, от студента до профессора, прошло в Харьковском университете. Ему удалось получить звание профессора, не прибегая к ставшим уже традиционным заграничным стажировкам. Бузескул в шутку называл сам себя «доморощенным ученым», поскольку Харьков стал для него и научной школой и местом написания научных трудов.

Таким образом, именно академическая мобильность во многом позволила сложиться русской исторической науке об античности на рубеже XIX-XX вв. Без традиционных стажировок в Европе складывание национальной исследовательской школы вряд ли было бы таким стремительным и плодотворным. Важную роль при этом, несомненно, сыграло стремление русских ученых-классиков быть на равных с передовой европейской наукой, но в то же время способствовать и формированию национальной русской школы в изучении древней истории.

Примечания

- ¹ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Часть I-III. Л., 1961-1971. С. 22.
- ² Corpus Inscriptionum Atticarum (CIA).
- ³ Inscriptiones Graecae (IG). Vol. I-XV. Berlin, 1873 – (Ed. II, 1913).
- ⁴ Курбатов Г.Л. История Византии (историография). Л., 1975. С. 46.
- ⁵ Историография античной истории / под ред. В.И. Кузицина. М., 1980. С. 113.
- ⁶ Фролов Э.Д. М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1990. №3. С. 143.
- ⁷ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. СПб., 1992. С. 109.
- ⁸ Каньетта М. М.И. Ростовцев и современность // ВДИ. 1997. №3. С. 214.
- ⁹ Ростовцев М.И. Рождение Римской империи // URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/rostovzeff_rozhdenie_rimskoy_imperii/ (дата обращения: 15.03.2013).
- ¹⁰ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т.2. М., 2001.
- ¹¹ Павловская А.И. О роли М.И. Ростовцева в развитии папирологических исследований // ВДИ. 1997. №3. С. 16.
- ¹² Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 234.
- ¹³ Историография античной истории / под ред. В.И. Кузицина. М., 1980. С. 142.
- ¹⁴ Утченко С.Л., Дьяконов И.М. Социальная стратификация древнего общества. М., 1970. С. 233.

¹⁵ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. СПб., 1888. С. 16.

Yu.S. Obidina

**THE ROLE OF ACADEMIC MOBILITY IN THE FORMATION OF
RUSSIAN SCIENCE OF ANTIQUITY IN THE XIX CENTURY**

Key words: *academic mobility; russian science of antiquity; ancient history.*

The article considers the formation of the Russian science of antiquity and the formation of new research directions in the study of the history of the ancient world. It is shown that one of the main roles in the folding of the national historical school played academic mobility - Russian foreign training of researchers in major European universities and research centers. The desire to be on equal with the world science has allowed Russian historians not only learn from best practices, but also develop their own methodological approaches to the study of world history.

L. Rybár

**ŠIRVÁN V DIELACH EURÓPSKYCH CESTOVATEĽOV A
GEOGRAFOV A JEHO OBCHODNÝ VÝZNAM V EURÓPSKO-
ÁZIJSKOM OBCHODE DO 16. STOROČIA**

Исследуется роль территории Ширван (Кавказская Албания) как пересечения торговых путей в контексте евро-азиатской торговли с древнейших времен до XVI века. Основными источниками являются труды европейских путешественников и географов - Геродота, Страбона, Плиния Старшего, Уильяма Рубрука, Руи Гонсалес де Клавиха, Марка Поло, Амброджи Контарини, Афанасия Никитина. В статье также привлечены труды арабских авторов - Аль-Масуди, Ибн Хордадбех и другие. С XII века Ширван был интересен не только русским, но и европейским купцам из Европы, о чем свидетельствуют сообщения путешественников, которые посетили эту территорию.

Ключевые слова: *Ширван; Кавказская Албания; европейско-азиатская торговля; Геродот; Страбон; Плиний Старший; Уильям Рубрук; Марко Поло; Афанасий Никитин.*

Už od staroveku prebiehali medzi Európou a Áziou čulé obchodné styky, ktoré sa realizovali prostredníctvom tranzitných obchodných ciest. Európski a ázijskí obchodníci využívali tieto cesty na prepravu svojich tovarov. Dôležitú úlohu v tomto v tranzitnom obchode zohrávali križovatky obchodných ciest. V kontexte európsko-